

Салазар оказался в необычной ситуации, глядя на комнату с яркими картинками, заполненную шумными и разнородными детьми. Он надеялся, что сегодня сможет исследовать потенциальную магию тётки. Всё было тщательно спланировано. Настой ромашки и лаванды готовился заранее, а на дне чайной чашки оказался маленький кружок бумаги. Рунический круг, нарисованный на нём, должен был усилить снотворные свойства настоя. Он собирался добавить его в утренний чай тётки. Она должна была отсутствовать несколько часов, и у него было достаточно времени для исследований. Вместо этого Салазара усадили в машину и повезли через здание, полное детей. Тётя Петунья высадила его в этой комнате с приказом слушать и не выходить. Улучив момент, он выловил информацию от других родителей и узнал, что это школа, и все дети начинают здесь свой первый год — в возрасте пяти лет. Салазар даже не подозревал, что ему исполнилось пять.— Когда я назову твоё имя, прошу, занимай место за партой, на которую укажу. Салазар вновь сосредоточился на учителе и нахмурился. Его имя? Как его звали? Какая вероятность, что родители назвали его именно Салазаром? Никакой, потому что это была искажённая форма имени, которое ему дал первый змеиный друг, когда ему было два года. Отец мог превратить его настоящее имя в Салазара, но начиналось оно с Парсел. Имя, данное матерью, не похоже ни на одно из существующих, и Салазар сомневался, что оно использовалось. Говорил ли он даже на Змеином языке в этот раз? Мысль об этом сделала его ещё более мрачным. Он не знал, что делать, если не сможет говорить на Змеином языке. Он не часто использовал его вне сражений, но это был его первый язык, его первыми друзьями были змеи. Отсутствие этой способности могло ещё сильнее подчеркнуть разрыв между его прошлым и новой жизнью. Легкий прикосновение коснулось его плеча. Подняв голову, Салазар встретился взглядом с учителем.— Гарри, дорогой, пожалуйста, присядь. Салазар снова всколыхнулся, вчитываясь в имя. Его родители называли его Волосатым? Он начал сомневаться в них, как и в дяде Верноне. Волосатик — ужасное имя для ребёнка. Он послушно занял своё место. В углу была приклеена табличка с написанным ручкой именем в римской вязи. Он пытался вспомнить, как его раньше называли Волосатым, но ни одно воспоминание не всплывало в памяти. Даже миссис Фигг, похоже, не использовала его имя. Возможно, он ошибочно назвал одним из её котов, у которых была слишком густая шерсть. Большую часть дня Салазар проводил, угрюмо выполняя указания, раздражённый тем, что родственники никогда не называли его по имени. Чувство, что это обучение занимает всю его жизнь, не улучшало его настроение. У него не было времени исследовать чародейство, весь день он был в школе, а перед сном надо было готовить ужин и делать домашние дела. К сожалению, его выходные снова были заполнены работой по дому, у которой не хватало времени в течение недели. Его кулон не был достаточно сильным, чтобы остановить тётку, когда она приказывала ему делать дела. Он обнаружил, что не может носить его в школу после регистрации; также не получалось надеть его по пути домой, как заставляла тётка, потому что водители его не замечали. Поэтому он редко надевал кулон и часто забывал вернуть его, когда возвращался на Тисовую улицу. Всё становилось всё хуже, пока не улучшалось. Салазар отвёл взгляд от парты, когда учительница вызвала ребят к исполнению песни об алфавите. У него чесались руки достать лист бумаги и поработать с руническим рисунком, но он понимал, что не может этого сделать. Если учительница не заметит его на занятии, ему поставят отсутствие и вызовут тётку Петунью. Тогда он получит дисциплинарное наказание: больше работы, меньше еды и время в заперти. Салазар не мог работать над рунической матрицей без кулона. Ему не разрешалось заниматься ничем, кроме того, что требовал учитель. Она требовала полного участия, хотя большая часть занятия представляла собой скучное повторение. Он хотел научиться читать и писать, но занятия были слишком детскими для него. Бесконечное повторение действовало ему на нервы. У него уже было базовое представление о римских символах, некоторые из которых были полезны для рунических отливок. Не было нужды снова выучивать алфавит или говорить, на какую букву начинаются те или иные животные. Салазар уставал от этого. Учительница бросила на него недовольный взгляд, когда он не присоединился к песне. Он не мог удержаться от ответного взгляда и продолжал молчать.

Учительница продолжала проходить по рядам, и Салазар, с усмешкой наблюдая за ней, понимал, чего она пытается добиться. Жаль, что он на самом деле не был пятилетним, и её строгий взгляд не мог заставить его подчиниться. — Гарри, если ты не можешь вспомнить слова, мы можем попрактиковаться на перемене. Салазар покраснел, детская жалость пронзила его, когда ближайšie дети захихикали. Остужая ярость, он уставился на учительницу, пока она возвращалась к двери класса, довольно насупившись. Её парик стал синим. В одно мгновение его возмущение исчезло, уступив место шоку от осознания, что стал свидетелем случайной магии. Класс заревел от удивления. Учительница вскочила и оглядела учеников, сразу заметив изумлённое выражение лица Салазара, тогда как остальные смешались в смехе и восторженном шёпоте. Вскоре прозвучал звонок, и его проводили домой, где мгновенно заперли в комнате. Затем перед ним нарисовали что-то большое, внезапно охватив его неуверенностью. Смесь ужаса и покорности на лице тётки заставила его насторожиться. Ему не разрешили выйти, чтобы приготовить ужин, а десерт вообще был пропущен. Салазар сидел у двери своей комнаты, прижав ухо к щели, и прислушивался к звукам в доме. Дадли купали и укладывали спать, телевизор работал, а он изо всех сил старался не заснуть. В конце концов, его маленькое тело всё же одержало победу. Уже гораздо позже Салазара разбудил звук кухонного стула, скребущего по кафельному полу. Он моргнул и взгляделся в темноту комнаты, различая лишь отблеск света под дверью. - Он не должен подходить к Дадли, - твердо сказала его тетя. - Уже нет, - ответил дядя Вернон. - Пет, он всего лишь мальчик. С тех пор как мы начали составлять список обязанностей, он не проявлял никакого неестественного поведения. Мы достучимся до него. Он станет нормальным. У него не было шансов... - Нет! - огрызнулась она. - Нет, Вернон. Она сама мне все объяснила. Ее парик изменил цвет после того, как она наказала его за непосещение занятий. Это не было совпадением! Это была месть. Он напал на нее! При последних словах страх наполнил ее голос. Салазар закрыл глаза от раскаяния. Он понял, что его место в этой семье ограничено. В конце концов, что-то может вывести его родственников за грань. И тогда он увидит, есть ли еще сожжения. На него нахлынули подавленные воспоминания: его мать, безжизненно скорчившаяся в пламени. Его сестра кричит, ее искаженное в агонии личико. Эти воспоминания он вытеснил далеко из сознания, но они вернулись. Он проглотил подступившую к горлу желчь. «Воспитывали, чтобы она была нормальной». «Лили была воспитана нормально. Это ей не помогло!» - голос тети треснул в конце фразы. Салазар сел, услышав боль в ее словах. Лили, как он догадывался, была его матерью. - Она была моей младшей сестрой, и они забрали ее у меня. Они убили ее, когда отправили ей то письмо... Салазар на мгновение замолчал, представляя, как дядя Вернон пытается утешить свою жену. Или, может быть, тетя Петунья достала тряпку, чтобы протереть чистую столешницу, пытаясь успокоить свои мысли. - Пет... - Мальчик - один из них. Работать над ним до изнеможения больше не получится. В школе не знают, как с ним справиться. Он урод, и его нельзя подпускать к моему Попкину, - решила тетя Петунья. - Похоже, в нем больше от его отца-урода, чем мы надеялись. Нападение на учителя... напоминает мне того урода, который сделал мои собственные усы желтыми... Я думал, что он больше похож на твою сестру, как ты её описывала до всех этих событий... Несколько минут стояла тишина. Затем снова заговорил дядя. Салазар едва мог его расслышать. - Ему всего пять. Петунья продолжила, и ее голос звучал покорно: - Письмо придет за ним, когда ему будет одиннадцать. Тогда и для нас он будет как мертвый. Шесть лет. Салазар перебрался на свою кровать и уставился в потолок. У него были шесть лет до того, как он должен был уехать. Шесть лет, чтобы узнать все о современном мире. Шесть лет, чтобы найти свое место в жизни. Это было не так уж и плохо. Он уже жил один, когда ему было всего шесть лет, и тогда мир был более диким. Сейчас ему нужно было сосредоточиться на том, что он должен сделать, а не на этом предполагаемом письме и его последствиях.